

Владимир Кириллович, когда-то передача «До и после полуночи» считалась одной из самых интеллектуальных на отечественном телевидении. Честно говоря, когда вы стали вести ток-шоу «Частная жизнь», многие этого просто не поняли. А вас самого не смущала столь резкая смена жанра?

- Нет, не смущала. «Частную жизнь» я веду уже три года. Поначалу это было просто интересно, хотя бы потому, что я впервые занимался ток-шоу. Сегодня «Частная жизнь» востребована телевидением. Впрочем, все нынешнее телевидение – одно большое ток-шоу, да еще, пожалуй, «мыльная опера». Очень надеюсь, что когда-нибудь этот период пройдет. Хотя, если судить по западному телевидению, этого может не произойти никогда. Там ток-шоу существуют давно и занимают огромное количество времени. Правда, на американском телевидении, например, гораздо больше, чем у нас, каналов, и человек может переключиться с развлекательной программы на классическую музыку. У нас же такая возможность существует лишь благодаря каналу «Культура». Жаль, что он такой один.

Чем вызван, на ваш взгляд, интерес людей к ток-шоу?

- Думаю, во многом – тем, что можно увидеть живые эмоции на лицах реальных людей, почувствовать их удивление, возмущение, радость. В этом есть некий шарм. Вообще, для меня работа в «Частной жизни» – достаточно интересный опыт. На съемки приходят люди, которые готовы открыть другим свою жизнь. Они охотно рассказывают, почему разошлись, почему в их жизни возникли те или иные проблемы. Если у людей есть потребность об этом говорить – пожалуйста! Мое дело – выслушать, задать вопросы... Оценивать, что за человек пришел на программу, я не люблю. Мне кажется, гораздо лучше, если зрители сами после передачи сделают выводы, кто хороший, а кто плохой. Иногда мне бывает любопытно слушать гостей «Частной жизни», иногда нет, но это моя работа, которую я честно выполняю. А свое желание делать что-то в иной области я, хотя бы чуть-чуть, восполняю одним документальным фильмом в год. Вот это именно то, что я больше всего люблю!

Документальное кино последние десять лет я снимаю только вместе с женой Консуэлой. И каждый из тех фильмов, что мы сделали, мне очень дорог. Например, ленту «Команданте Че» мы снимали на Кубе. Фильм этот о Че Геваре, некоем символе нашей юности. Не люблю революционеров, но когда увидел места, где высаживалась лодка с его отрядом в 80 человек, узнал, что они пережили, то погрузился в его судьбу и начал жить его жизнью. А в этом году в Москве и Риге с большим успехом прошел наш фильм «Мелодии рижского гетто»...

Расскажите о нем подробнее.

- В 2004 году я полгода работал в Риге ведущим утреннего ежедневного шоу, периодически туда приезжая и записывая выпуски программы. Когда же съемки завершились, наш товарищ повез нас с женой показывать гетто, куда в 1941 году согнали евреев. Гетто совсем не изменилось – те же самые домики, откуда их обитателей повели на расстрел. До сих пор живы свидетели событий, в том числе конвоиры, гнавшие людей на смерть. Тогда у нас и родилась идея фильма об уничтожении евреев в Риге. Конечно, было очень тяжело. Не столько даже тяжело снимать, сколько монтировать. Ведь ты имеешь дело не просто с хроникой, а с людскими трагедиями! В фильме есть и рассказ великого скрипача Гидона Кремера – отца моей соведущей в программе «Частная жизнь» Лики Кремер. Он говорит о том, как его отец – Ликин дедушка – смог убежать из этого гетто, но потерял там жену и маленького ребенка. А всего там было расстреляно тридцать два его родственника! Вот слушаешь эту и другие драматические истории – и знаешь, что по законам жанра тебе придется оставить из часового интервью лишь три-четыре минуты... В общем, очень тяжело!

Я за свою жизнь много занимался темой войны и нацизма. В сентябре знаменитый сценограф Борис Краснов пригласил нас с женой работать в Киев. Там в оперном театре он поставил своеобразное театрализованное действие в память трагедии Бабьего Яра, которой исполнилось 65 лет. Мы со-

Владимир МОЛЧАНОВ из тех людей, которых не нужно особо представлять. Телепрограммы, которые он вел, помнит вся страна: «До и после полуночи», «90 минут»... И сейчас его ток-шоу «Частная жизнь» на канале «Россия» собирает немалую аудиторию. Еще Молчанов снимает документальные фильмы, выходит в радиоэфир, пишет книги и даже участвует в театрализованных представлениях.

ФОТО ИТАР-ТАСС

Владимир МОЛЧАНОВ: ИНОГДА МНЕ ЛЮБОПЫТНА ЧАСТНАЯ ЖИЗНЬ...

ставили из архивной хроники видеоряд, написали сценарий для актеров, среди которых были Богдан Ступка, Ада Роговцева... Я немного побавлялся, потому что мне тоже предстояло выйти с ними на сцену, а этого я не делал очень давно... Но я придумал себе выступление от автора. И такой ход мне помог справиться с несвойственной ролью.

Знаю, что лет двадцать назад у вас выходила книга...

- Да, я шесть лет занимался розыском нацистских преступников, и моя первая книга была как раз об этом. Она вышла в начале 80-х годов в «Политиздате», в нее вошли документальные очерки под названием «Возмездие должно свершиться». Это было журналистское расследование... В 2004 году издательство «Вагриус» выпустило нашу с женой книгу «И дольше века». Еще раньше на «Рен-ТВ» у нас выходил одноименный цикл передач – встреч с интересными людьми. По итогам этого 30-серийного цикла и была написана книга.

Вы родились в семье артистической. Почему, выбирая профессию, не пошли по стопам родителей?

- Мои родители были людьми неординарными и очень талантливыми. Отец – Кирилл Владимирович – известный музыкант, композитор. Мать – Марина Владимировна – актриса Театра Советской Армии. К сожалению, ее актерская карьера не сложилась – отец заболел, и ей пришлось уйти из театра, посвятить себя семье. Мое детство было овеяно музыкой. В доме проходили настоящие концерты, в гостях бывали прекрасные актеры московских театров. Родители хорошо знали театр изнутри, знали, насколько тяжелая жизнь актера, насколько сложно бывает самореализоваться. И они были категорически против того, чтобы я шел в театральный, пугали тем, что мне придется служить в армии... А я их не слушал, хотел учиться только там,

поступал на актерский факультет школы-студии МХАТ и даже сдал уже часть экзаменов, но родители узнали об этом и помешали, сделав все, чтобы меня не зачислили.

За то, как сложилась моя дальнейшая судьба, надо поблагодарить старшую сводную сестру Анну Дмитриеву. Она буквально за руку привела меня в МГУ на филфак, который окончила сама. Она вообще меня всегда направляла по жизни. Когда я был еще ребенком, отвела на теннисный корт, где я и задержался на годы. В 14 лет я там зарабатывал больше, чем когда закончил МГУ: у меня была спортивная стипендия 140 рублей, ежедневно нам давали шоколадку «Аленка» и талоны на питание! Мне даже удалось достичь в теннисе определенных успехов: в составе юношеской сборной Москвы стал чемпионом СССР.

Между прочим, Анна первой вывела советский теннис на мировую арену, в 1956 году ездила играть на Уимблдонском турнире, а нам потом привозила шикарные подарки – пластинки: сначала французский шансон, потом американских джазменов. И именно она первая привезла в Москву пластинку короля твиста Чабби Чеккера. Большинство моих детских воспоминаний связано именно с Аней. Я ее всегда обожал, хотя и побаивался. Поверите ли – до сих пор боюсь двух женщин: сестру и жену! Мы с Анной очень любим друг друга, переживаем, поддерживаем. Она и на корт приходила понаблюдать за мной, и, когда я, уже взрослый мужик, работал на телевидении, возле монтажной стояла, смотрела, что я делаю. Мне было неловко, я спросил, зачем ей это надо, а она ответила: «Я боюсь, все наконец узнают, что ты дурак».

Вы учились на филфаке МГУ. Как же после него пришли в журналистику?

- Филология не была моей мечтой, осознанным выбором. Я вообще до сих пор не понимаю, что такое фило-

логия! Участь в МГУ, выступил и неплохо в студенческой газете. Дипломный руководитель посоветовал идти в журналистику, и я последовал его рекомендации. Работал редактором в Агентстве печати «Новости», затем поехал в качестве корреспондента в Голландию, а в 1987 году меня пригласили на телевидение.

Вы оказались в «Останкино» в очень интересное время: перестройка, гласность, ощущение свободы...

- Телевидение тогда очень сильно отличалось от нынешнего. Как небо и земля. Да, было много ошибок, непрофессионализма, но по духу, энергетике, эмоциям, правдивости, искренности 1987-1993 годы оказались, на мой взгляд, лучшим периодом нашего телевидения. Сейчас оно имеет все – технику, специалистов, ведущих... Но нет телевидения как такового. Вместо него бесконечный ментовско-оперативный сериал. Где серьезные аналитические программы, дискуссии, где разные точки зрения?

Когда-то мне казалось, что хуже швейцарского или австрийского телевидения нет ничего: там царит смертельная тоска, потому что абсолютно ничего не происходит. А потом я понял: живут они хорошо – вот ничего и не происходит. У нас, конечно, не Швейцария, и вряд ли когда-нибудь мы ею станем, но телевидение стало скучнее. Очень низкий уровень юмора, отвратительные музыкальные программы... Я не говорю сейчас, разумеется, о «Культуре». Но остальные каналы – увы! Может, именно поэтому я и пошел с огромным удовольствием работать ведущим программы на классическую радиостанцию «Орфей». По субботам и воскресеньям идет моя программа «Интервью с дилетантом». Дилетант – это я, а в гости ко мне приходят потрясающие скрипачи, дирижеры, пианисты...

Ну а почему произошло снижение уровня телевидения?

- Потому что это приносит продюсерам деньги. А их приносит, например, дешевый сериал, который делается быстро. Но ведь и сериалы можно делать красиво, профессионально, и актеров туда можно приглашать, которые умеют играть! Я в свое время играл в студенческом театре МГУ – так даже там актеры были куда сильнее, нежели те, что заняты в современных сериалах.

Есть телепрограммы, которые вас обнадеживают?

- Признаться, я не особо слежу за тем, что происходит на нашем телевидении. У меня есть тарелка «НТВ+», и я предпочитаю каналы, которые показывают через нее. Исключение составляют документальные телефильмы, программы Димы Крылова. Новости смотрю редко, в основном слушаю «Эхо Москвы», где каждый час могу узнать, что действительно происходит в стране и мире. Впрочем, все новые программы отечественного телевидения стараюсь посмотреть хотя бы один-два раза, чтобы понять, что они собой представляют. Бывают удачи – «Танцы со звездами», например. Передача не-серьезная, но зрелищная, любопытная. Но вот такой программы, чтобы посмотреть и воскликнуть: «Ах!», к сожалению, нет...

В каком амплуа вы чувствуете себя уверенней и комфортней – режиссера или ведущего?

- Я не режиссер, не теле- и не радиоведущий, не актер. Я был, есть и буду журналистом. Пишу статьи и сценарии. Ну и разговариваю немножко!

К чему обязывает звание академика Российской академии телевидения?

- Вообще-то я с иронией отношусь к этому званию. Ведь единственное, чем мы занимаемся, – определяем, кто что выиграет на конкурсе «ТЭФИ», кому какой приз дать... Мне значительно интереснее участвовать в проведении «ТЭФИ» регионального. Провинциальное телевидение отличается бедностью, плохой техникой, но при этом большей, чем на центральном ТВ, искренностью, а иногда и гораздо более высоким уровнем работ. Сейчас я говорю про документальные программы, которые очень интересны, – например, в Нижнем Новгороде, Ханты-Мансийске, Самаре... А вот региональные новости – это караул! Многие телеканалы находятся под тяжелой пятой местных властей.

Вы – лауреат премии «ТЭФИ», обладатель серебряного приза Чикагского международного телевизионного конкурса, номинант международных конкурсов документальных фильмов в Ницце и Берлине. Насколько вам важны эти награды?

- Приятно бывает, когда приз вручают. А через пять минут выпьешь со съемочной группой и забудешь. Нельзя жить воспоминаниями о былых наградах, надо двигаться дальше.

Ваша жизнь очень насыщенная. Она тесно связана с городом. Или я не права?

- На самом деле я стараюсь поменьше времени проводить в городе. Живу в деревне, в 100 километрах от Москвы. Старую Рузу знаете? Впервые в тех местах я оказался в семимесячном возрасте, так что они для меня родные. Там был и дом ВТО, дома творчества писателей, композиторов. Вся советская музыка прошла через эти места... Я много снимал там для своего цикла «Помню, люблю...», посвященного памяти советских композиторов. В детстве жил на даче под Старой Рузой, а потом купил дом. Я там пишу, строю планы, жарю мясо, пью водку, принимаю друзей... А кроме того, мы уже больше десяти лет подряд летаем отдыхать на Красное море. Делаем это дважды в год – в апреле и октябре, когда за окнами слюнь и дождь. Прилетаем в Египет, в одну и ту же гостиницу в Шарм-Эль-Шейхе, и любимеся там на удивительно прекрасных рыб и кораллы – они отлично поднимают настроение!

Слышала, что история вашего знакомства с будущей женой – испанкой Консуэло Сегура – довольно необычна...

- Познакомились мы в конце 60-х годов в колхозе на морковке! Консуэло – дочь испанца, вывезенного с родины в 30-е годы. Когда он оказался в Советском Союзе, ему было 12 лет, он вырос в детских домах. После учебы стал крупным энергетиком, строил Братскую ГЭС, потом его послали на Кубу... Консуэло я буквально в первый день знакомства сделал предложение. Она его приняла через неделю.

Беседу вела
Лидия ГРОМЕКА